

«Русская Мысль» преподнесла рассказ А. П. Чехова. Тяжелое впечатление производит этот рассказ. В сущности это даже и не самостоятельный рассказ — это несколько случайно вырванных страничек из записной книжки писателя, которому, по видимому, до смерти надоело издательские приставания, и который послал эти листки, чтобы отвызаться, чтобы исполнить заранее данное обещание «поддерживать» перед подпиской.

Иначе нельзя объяснить себе появление этих страниц в печати. Много лет подряд Чехова обвиняли в том, что он писал, как поет соловей: закрывая глаза, то есть не желая знать идейной стороны явлений. Чехов обладал тогда величайшим качеством, какое только может быть у художников — он умел быть удивительно объективным в своих произведениях, умел оставаться чистым художником, изображая даже наиболее нечистые, наиболее жизненные страницы окружающей его действительности. Эта счастливая особенность дала ему едва ли не лучшим современным чувствительность, что не мыслю, однако, некоторым критикам сыпать в него обвинениями, облитыми горечью и злобостью.

А. П. Чехов, извольте ли видеть, представляет критикам равнодушным художником, говорившим толк, подобно пушкинскому поэту: «Подите прочь! Какое дело поэту мирному до нас...» За его крупным художественным дарованием им чудилась полнейшая безпринципность писателя — и они, не скрываясь, говорили, что Чехову не дано создать ничего крупного именно потому, что он не умеет, или не хочет «смотреть в корень», не болеть гражданской скорбью, не проливает ни одной «общей с народом» капли крови, умышленно, а может быть и в силу особого умственного и душевного склада суживает свой горизонт...

И на Чехова, писателя с тонкой восприимчивой организацией, по видимому, этот согласный критический хор произвел известное впечатление. По крайней мере, в последнее время он уже стал изменять коренным своим заветам, начинает впадать в произведения свои не только душу живу, но и предвзятую, со стороны навязанную мысль, смоченную гражданскими слезами. Едва ворвался этот пошлый элемент в творческую работу писателя, — произведение, выходящее из-под его пера, сейчас же стало утрачивать много из обычных чеховских достоинств. Без подобный чувствительный мало-помалу перестает им быть, превращаясь в обыкновенного даровитого беллетриста, переплетающего доволно затасканные мотивы, и лишь местами дающего блестящие, рожденные, несомненно, крупным и непосредственным творчеством.

В результате получилось то, чего и следовало ожидать: «безпринципная» произведения первого периода являются, без сомнения, несравненно более крупным вкладом в сокровищницу русской литературы, чем последние чеховские дары...

Кроме того, навязанная со стороны «идейность» внесла большой разлад в самую творческую душу Чехова. Это чувствуется во всех его последних произведениях, и совершенно ясно выступает в последнем рассказе: «Случай из практики», в котором художник все время борется с мыслителем, очевидно очень плохо продуманным то, что он хочет сказать, и потому разговаривающим языком

смутных полунамеков, за которыми — читатель получает именно такое впечатление — не скрывается ровно никакой определенной мысли... Хочется плакать от досады, что крупный талант, по видимому, направляется по мало свойственному ему пути.

Разлад этот, навязанный ему со стороны, Чехов, по видимому, почувствовал уже давно. Изображенный им в «Чайке» писатель Тригорин, в котором всякий, знающий Чехова,

Йоганн Штраус,

автор знаменитых вальсов.

(См. стр. 9).

Литературное обозрение.

В журналах, по обыкновению, хоть шаром покати. Последние книжки, так называемых, «толстых» журналов отличаются особой толщиной, но толщина эта — не столько результат обилия материала, сколько толстый наем очень тонких обстоятельств, касающихся вопроса о подписке. Декабрьские выпуски журналов выдвигают, в качестве застрельщиков, между прочими, и «Имена», но в большинстве случаев, увы, не имеют ровно ничего такого, что могло бы остановить серьезное внимание читателя.

найдет не мало черт самого автора, между прочим, говорить:

— Я никогда, никогда не нравился себе. Я не люблю себя, как писателя. Хуже всего, что я в каком то чаду и часто не понимаю, как и что я пишу. Я люблю вот эту воду, деревню, небо, я чувствую природу, она возбуждает во мне страсть, непреодолимое желание писать. Но ведь я не нейзажисть только, я, ведь, еще гражданин, я люблю родину, народ, я чувствую, что если я писатель, то я обязан говорить о народе, об его страданиях, об его будущем, говорить о науке, о правах человека и проч., и проч., и я говорю обо всем, тороплюсь, меня со всех сторон подгоняют, сердятся, я мечусь из стороны в сторону, как лисица, затравленная псами, вижу, что жизнь и наука все уходят вперед и вперед, а я все отстаю и отстаю, как мужик, опоздавший на поезд, в конце-концов, чувствую, что я умею писать только нейзаж, а во всем остальном я фальшив и фальшив до мозга костей.

Вдумайтесь в эти слова, и вы поймете, что это подлинная трагедия писательской души, трагедия, при которой мы присутствуем и с результатами которой мы считаемся. Напечатанный в «Русской Мысли» рассказ «Случай из практики», один из эпизодов этой трагедии. Какой материал дает нам этот «рассказ»? Несложный. Доктор приезжает из Москвы на подмосковную фабрику, вызванный туда для больной дочери владельца фабрики. У больной модная болель: ее угнетает фабрика. Болель она теми миллионами, которые ей предстоит получить в наследство. Ясно: совет ей нужен не медицинский, а, так сказать, философский, учительский. Доктор знает, что сказать ей: для него было ясно, что ей нужно поскорее оставить эти пять корпунков и миллион, если он у нее есть... для него было ясно тоже, что так думала и она сама, и только ждала, чтобы кто-нибудь, кому она верить, подтвердил это...

Да доктор, видите ли, не знает, как это сказать ей? У приговоренных людей стесня-

— Вы въ положеніи владѣлицы фабрики и богатой наслѣдницы недовольны, не вѣрите въ свое право и теперь вотъ не спите, это, конечно, лучше, чѣмъ если бы вы были довольны, крѣпко спали и думали, что все обстоитъ благополучно. У васъ почтенная безсонница; какъ бы ни было, она хорошій признакъ. Въ самомъ дѣлѣ, у родителей нашихъ былъ бы немислимъ такой разговоръ, какъ вотъ у васъ теперь; по ночамъ они не разговаривали, а крѣпко спали. мы же, наше поколѣніе, душно спимъ, томимся, много говоримъ и все рѣшаемъ, правы мы или нѣтъ. А для нашихъ дѣтей или внуковъ воп-

Независимо от всего этого, „Случай из практики“, не представляя интереса по содержанию, не является его и по форме. Непродуманность сюжета и небрежность формы—отличают его от других работ Чехова, но это уже грѣх не автора, очевидно „затравленного“, а руководителей журнала, гг. Гольцева, Ремизова и Лаврова, которым интересы русской литературы также близки, как Гекзба актеру из „Гамлета“, но которым рвизказь „нашего талантливого“ необходим для послѣдней передѣлки подлинной книжки журнала.. Съ собою Чехова зтоѣ „грѣхъ“ долженъ быть снятъ—да пошлетъ ему Богъ скорѣйшаго выздоровленія и силъ для возвращенія на настоящій, довѣяющій ему путь!...

Кенз
гражда
-Кенз де
скаго о
теперь
родился
поступи
прокуро
вить с
щимся
войны
продолж
ный п
участво
цессах;
тельная
Поль п
Ворепер
которая
"Отец"
Почетн:

H. P.

(См. стр. 15).

„Выходить так, значить, что работают все эти пять корпусов, и на восточных рынках продается плохой ситец для того только, чтобы Христина Дмитриевна могла кушать стерлядь и пить мадеру“.

КЪ ДИСКУСИЯТА

Д
л
н
у
р
С
с
и
р
ы
б
р
ф
ц
ц
о
д
С
б
и
и
С
т
а
м
и
и
к
р
о